

БУНТОВЩИК

Цена в Томске 40 коп. вне Томска 45 коп.
 Редакция просит друзей-читателей (особенно) сочувствующих
 приобрести для издательства газетный, журнальный и др. материал.
 Штаты их нужно за одной стороной листа. Необходимо—полная
 подпись автора и его точный адрес. По надобности рукопись
 возвращается издательству.
 Дневной прием в редакцию по субботам с 1 до 2 часа дня.
 Адрес редакции: ТОМСК, УРЖАТСКИЙ, 7, кр. 10

ОРГАН ПРОПАГАНДЫ ИДЕЙ АНАРХИЗМА.

№ 1.

T-50069

Воскресенье, 7-го апреля (25 марта) 1918 года.

№ 1.

Рабочие и Крестьяне!

„БУНТОВЩИК“—это ваше издание потому, что оно борется за ПОЛНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ всей ТРУДОВОЙ БЕДНОТЫ. Так помните же, друзья, о том, что ваше издание может существовать только при вашей как материальной, так и НРАВСТВЕННОЙ поддержке. Издание может держаться только при содействии и помощи вас САМИХ. Распространяйте же его,—читайте и, после прочтения, передавайте другим. СНАБЖАЙТЕ ДЕРЕВНО НАШИМ ИЗДАНИЕМ. Все отчисления, сборы взносы направляйте исключительно по адресу: ТОМСК, УРЖАТСКИЙ, 7, кв. 10, Е. КЛЮЕВУ. Подписные листы для сбора пожертвований на издание „Бунтовщина“ высылаются и выдаются в редакции с 1 до 2 ч.

К ТОВАРИЩАМ.

В интересах осведомления революционных групп трудящихся, ознакомления и сближения между собою анархистов, установления живой связи друг с другом и согласования действий товарищей, редакции „Бунтовщина“ желательно собрать и издать адреса всех организаций анархистов Сибири и Европейской России, поэтому мы обращаемся с убедительной просьбой ко всем группам, союзам, федерациям и ассоциациям товарищей—анархистов сообщить редакции свои точные адреса.

Редакция „Бунтовщика“.

К бедноте.

К вам, давшие капиталом, голодом и бедностью, обращаемся мы. Вас, калечимые и уродимые капитализмом, вас, современные рабы, эксплуатиремые всей совокупностью буржуазно-рабочавладельческой культуры и цивилизации, **возьмем мы бороться** в один ряд с нами за наше общее освобождение.

Проститесь! И выйдите сами вон из ужасного положения, лесор и ужасного положения подъяремного вола—человека. Проститесь! Помните, что вы—в цепях, в кандалах всевозможных предрасудков! И вы почувствуете всю опротивительную тяжесть лежащего на вас ярма! И узнаете, что нельзя жить и дальше так, как живете вы до этого дня. Вы узнаете, что невозможно жить дольше в безпрестанной темноте вашего положения, не стремясь выйти **практически** выход к свету и простору,—к свободе, равенству и братству.

Пари со своими приспешниками, начиная от полицейских и шпионов, оканчивая архиепископ и министрами, говорили вам, что без них вы ничего не в состоянии сделать, что вам нужен клочок их власти. Вы, наконец, поняли всю мерзость обмана, взбунтовались и бурно соросили с себя всех монархических порабощателей и палачей. После этого вас пытались оседлать величайшие себя государственными социалистами (разных партий) седлом республиканской власти. Вы же еще более бурно скинули с себя и этих нахальных кандидатов в начальство над вами.

Ну уж не после этого вы еще не достаточно твердо убеждены в том, что вам не только не пужна, но и вредна **безусловно всякая** власть? Ну уж не армяно-власти еще не достаточно намозолдили вам шею? Ну уж не вы еще не поняли, во всей полноте, что это армяно вы должны разбить, уничтожить, **разрушить безвозвратно, окончательно**, если хотите быть вполне свободными.

На гребень бурных волн революции нашего моря окрыленные страстью бунта рабы наших дней вынесли большевиков. Значит ли это, что вы, эти рабы, должны

склонить покорно ваши головы пред ними, делом ваших рук, захотеть себя в хомут их власти? Нет и нет, миллиарды раз нет! Если вы глубоко задумаетесь над своим положением, выникнете в сущности вашей тяжелой и безотрадной жизни, вы не можете не почувствовать **всплеска** в том, что всем нам, рабам смрадной и ядовитой капиталистической цивилизации, буржуазной культуры, вредна не только власть социал-демократов, меньшевиков и социал-революционеров, но и большевиков и максималистов, этих чванливых „государственных мужей“.

Власть—омут, который засасывает, топит и губит все заново народную революцию, завоевания и победы, повитые вашими мучениями, орошенные вашими слезами, политые кровью близких и дорогих вам братьев вашей многочисленной семьи обездоленных,—классе трудящихся, класса бедняков. Всякая власть—это водосточная труба, по которой различные господа с вышестоящих палат спускают вниз, выливают на рабов содержимое своих помойных ям и отхожих мест,—на рабов, в пылу простертых перед властью. Власть—паразит, власть—вош на вашем **иснуренном теле**.

Разве вы не можете разстаться с блохами и клопами? Разве они недостаточно еще разожились в вас огонь возмущения? Разве вы—слепые? Если нет, так зачем же вам поводырь? Разве вы трусы? Если нет, так зачем вам власть, этот чирей на вашем **затылке**?

Разве не вы и жаждали до вас поколения рабов создал **все** благо жизни, **все** ценности земли, **все** красоту изданья мира? Если вы, так чего же вы! кого вы, живой океан, боготвор, перед кем вы робеете? Ну уж не вы все еще продолжаете верить тем злупцам и обманщикам, кто врет вам о возмутительнейшей негодности, что от этого вам же будет хуже? Ведь это вранье смехотворно,—и больше.

Власть—пивка наша стародавняя. Власть—древняя кровососная банда для нас, рабов. Даже „лучшая“ власть, какая только **мыслима**,—нашпыль-

ская указка, пеленки для нас, опеку—скрапа, выдающий грош опекаемому из огромных, из неметных богатств последнего. Нас пеленали и опекали, нас грабили в течение тысячелетий. Мы поняли это и стремимся, стараемся возратить себе все ограбленное у наших предков и у нас. А так как сделать это можем **исключительно, только мы сами**, класс голодных, класс рабов, так как в этом случае всякая власть и всегда против нас, вот почему мы—**анархисты**, поэтому мы безотрадно идем к **безвласти** и вечно беспощадно все тенета власти, хотя бы и „декадентою“ эта власть стара-ется казаться. Пусть трупы эти предающие свой интерес за оглоданную „благодетелем“ кость мишаланчат с властью и унижаются перед властелинами, мы же, однажды перст своего рабства разорвав, выныр из непаденем и будем до конца бороться и **бороться** до конца.

Государство—прелесть наша, но и со всеми его убогими и умерзлыми элементами.

Мы знаем, что освобождения нам никто не даст, если мы сами себя не избавим, поэтому зовем и вас **освободить самих себя**, удаляя **самостоятельно** все преграды, загораживающие вам дорогу к лучшему, срывать с себя все пеленки и цепи,—мы привнесем вас в **самосвободение**. Второй год государственные социалисты говорят вам: „Мы разрушили для вас монархию, мы делаем, делаем и сделаем для вас“. Словом, „мы пахали“. Вы поняли лож и обман духовенства и чиновников, теперь пойте обман и этих бунтовцов, вскармливающихся на ваш загорбок вместо прежних vampiros. Пауки стараются загнать вас в свою смертельно-ужасную хитроплетенную паутину. Ну уж не вы продолжаете оставаться прежними **глупыми и смиренными мухамы!** Все делай, делай, делай и **сделайте, можете сделать для себя сами** только вы же сами. Когда вы поймете свои интересы и интересы всего класса давимых и эксплуатиремых, в тот момент вы станете **непобедимыми**, и никто уже не победит тогда нас и все, наших несознательных пока им малосознательных братьев по мукам и страданиям.

Хуны того, что было, **никогда не монет быть**, если мы сами не позволим возвратиться назадшему. Если же мы не раба, то уж вам падать же будем **никуда**. Идем вперед,—все вперед и вперед!

Не забывайте о том, что трупы и безразужные не могут стать свободными. Помните также всегда, что в борьбе теряем мы лишь цепь, но приобрести можем все обаяние, всю красоту свободы, просторной, чистой и светлой жизни. Вооружайтесь не только физически, но тем больше

духовно, запасайтесь и закаляйте в себе силу духа, чувств и мысли. Больше думайте сами над жизнью. Вам внушают, вас гипнотизируют, вас усыпляют тем, что будто бы принесут вам избавление национализация и социализация, проводимые „законодательным“ путем,—сверху. Мы призываем вас взять, экспроприровать, взять из частной собственности, пережить собою в свой, **революционный** путем всю землю, все фабрики и заводы, мастерские и магазины, дома, словом—все богатства земли, созданные вашими же мозговыми руками, непосредственно распоряжаться ими в интересах общей пользы, устраивать свою жизнь **самостоятельно, снизу**, без помощи какого бы то ни было аппарата управления вами—сверху, без всякого начальства. **Самореганизуйтесь** же управительстве, без иерархий. Мы зовем вас на анархи—и **порядку без власти, без начальства**.

Многие многократно слышанные господа—жандармы науки, культиваторы автоматической дрессировки, лжи и обмана и велед за ними беззастенчивые, неспешествующие и покорные рабы и предшлудки забравывают камнями озлобления и ненависти наш Идеал, анархию, швыряют в него грязью мракобесия,—они стараются одновременно навредить нам, анархистам, и вам, нашим братьям, друзьям, товарищам и сочувствующим. На нас они **бездостойно клеветуют**, нас нагло обманывают, нам агут беззастенчиво, окрывают нас и вас ядовитыми и удудливыми газами невозможных слухов, интриг и змеиного шипа. Нам не страшны эти со всеми мерзостями своими: наши убеждения являются радикальным противоядием против их змеиного яда. Не поддавайтесь же их вы в их ловушку, если желаете сознать и осознаете свои интересы—**интересы эксплуатиремых, поработанных НИ ПОЛОЗУ, НИ НА ПОЛЗУ НА НЕ ВЕРЬТЕ** всевозможным господам и их различным лакеям!

Ценность идеала—польза, если чем скорее идею к этому идеалу, тем все дальше и дальше, в глубь будущего он отодвигается. Такой идеал—мираж, прирак, обман. Такой идеал не только бесполезен,—он вреден для трудящихся потому, что убавляет их сознание, парализует их революционную активность, деятельную способность к революционному действию, отупляет их волею в них мелочность, равнодушие к своим интересам и к революционной борьбе. И таковы Идеалы всех государственно-социалистических властолюбцев, начиная от эсэров и меньшевиков и оканчивая большевиками и максималистами, в особенности доморощенными,—томскими.

Наш анархический идеал тем ценнее, что осуществление их

возможно начать сегодня же, что завтра же,—непосредственно будущее дает плоды их.

К нам часто обращаются с просьбой: дайте нам программу. Мы не шарлатаны. Мы прекрасно сознаем, что жизнь, многогранная, многообразная жизнь человечества в своих бесчисленных проявлениях не может утеша неискалеченной в рамках десятков, сотен и тысяч томов писанной беззаконной, лживого „законом“, никакой даже самой „умной“, самой „расудительной“, самой болтливой и многообещающей программы, намарнутой тысячам рук самых оксусных политиков,—этих жалких карликов, имеющих смелость, выражаясь вежливо, называть себя „революционерами“.

Какова наша программа? Мы неумолчно и сознательно идем к анархии, к безвласти, по тому, что единственно при анархии, **практически** осуществлена и осуществима, светлая и яркая жизнь в условиях добровольного согласия: следовательно, в условиях необманной свободы, равенства и братства. Наша программа—**полное** освобождение, освобождение от **всех** вериг и преград других от вериг религиозных, общественных, государственных, сословно-кастовых, „научных“ и корпоративных предрасудков,—от этой ужасной—возмутительной проказы современного гнилого мира.

Наша программа—анархия. Видите, наша программа—короткая и ясная. Нам не лезет писать свою программу и потому, что сама жизнь, несплошно запечатлела ее в наших сердцах и мозгах. Наша программа—гармония **всего** видной семь трудящихся **нашего** мира. Наша программа—яда для бедняков, даже и для показывающих вид деятельности в своем бедствии, для всех двуногих паразитов. Наша программа—пантельный калит, смертельная отравка для насильнической цивилизации и иерархической, капиталистической, управительской культуры.

Вот почему все они нас травят. В прошлом году здесь они нас разгромил в буквальном смысле этого слова. Осколки томских погромщиков 1905 года, маскоровавшиеся социалистами, сделали свое кровавое, мерзкое дело. Палачей, разстрелявших совершенно безоружную молодежь из крестьян и рабочих, наравленную солдатами, отступили гулять на все четыре стороны и пожинать пошлые утеш господско-рабской жизни.

—Кажд, где брат твой Авель! Но Каин трепещет, Каин бежит, Каин прячется... от света правды. Подлый трус, презренный раб! Не обходило дело без предательского лобзания и без дули Икаротского. И его мы называем громко... Школой Ма-

4958/222
2 50

„Дух разрушения—созидющий дух“.

БУНТОВЩИК

„С угнетенными против угнетателей—всегда!“

Цена в Томске 40 коп., в др. Томска 45 коп.
 Редакция против другой чужеземной, розничной и оптовой торговли
 прокладкой для изготовления заметки, корреспонденции и т. п.
 Цена их должна на одной стороне листа. Необходимы—полная
 подпись автора и его точный адрес. По возможности рукописи со-
 щасливаются и возвращаются.
 Личный прием в редакции: по адресу: Томск, Уржатский, 7, кв. 10.
 Адрес редакции: ТОМСК, Уржатский, 7, кв. 10.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОРГАН ПРОПАГАНДЫ ИДЕЙ АНАРХИЗМА.

№ 2.

Томская область
Сибирский край
Т-50069

Воскресенье, 14-го (I) апреля 1918 года.

№ 2.

Рабочие и Крестьяне!

„БУНТОВЩИК“—это ваше издание потому, что оно борется за ПОЛНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ всей ТРУДОВОЙ БЕДНОТЫ. Так помните же, друзья, о том, что ваше издание может существовать только при вашей как материальной, так и НРАВСТВЕННОЙ поддержке. Издание может держаться только при содействии и помощи вас САМИХ. Распространяйте же его,—читайте и, после прочтения, передавайте другим. СНАБЖАЙТЕ ДЕРЕВНЮ НАШИМ ИЗДАНИЕМ. Все отчисления, сборы и взносы направляйте исключительно по адресу: ТОМСК, УРЖАТСКИЙ, 7, кв. 10, Е. КЛЮЕВУ. Подписные листы для сбора пожертвований на издание „Бунтовщика“ высылаются и выдаются в редакции с 1 до 2 ч

По поводу выступления Японий.

Всякое государство, как и весь мир, разделено на господ и рабов. Когда упоминают слово „государство“, это говорит о господствующем в государстве классе. Исключение составляют эпохи революции, когда рабы рвут цепи рабства. В таком положении находится теперь Россия, а остальные государства—в обычном, хотя и в них разгорается искра бунта поработенных. Поэтому, говоря о Японий, Англии, Франции, Германии, Австрии и др. государствах, подразумеваются господствующий класс и его привилегии, говоря же о России—революционные слои ее прежних классов, разрушающих старый мир.—Россия гитнет,—говорят богачи, чиновники, все продажные гварии и гильдии из бедняков. Да,—*рабско-господская Россия гитнет*. И пусть. Губите ее, не жалейте! Смотрите и любуйтесь: растет молодая Россия свободных людей. Шляхи дороги шире перед ней!

Вот поэтому-то государство, как существование рабовладельчества, теперь против России. Япония первая, но не одна она. Против нас государство вообще,—против нас все государства, как выражает господства паразитов над тружениками.

Но это совсем не печально, а радостно. Государство опогнелости, разинуло свою пасть, значит—оно подало опасность для себя, как идея, для основ своих. Основы государства расшатываются, и близится день их падения. Этому воп и радуемся мы, анархисты: мы желаем и стремимся стать свободными от государственного рабства.

Открылась, оскандалила зубы и разинула свою пасть на Россию Япония. Не в боязни конкуренции и не в жадной захвата земли, пространства,—причина этого выступления. Во всяком случае захват территории имеет значение *отропеленности* в выступлении Японий и всей телой компании государств против России. Среди них и „мизан“ Франция, задуманная русскую революцию 1905—7 г. г. своим золотом. Раздушенная, напоенная, подрывропанная, парадная и продажная любовница капиталистов и владетельных, главная протестука капиталистического мира. Франция выраждающейся буржуазии наывает, через своих официальных представителей, „наступление японцев вполне естественной полнейшей мерой“. Вот они крокодильи слезы и волчий зубы „нашей милой союзницы“, какою считает ее российская либеральная буржуазия. Вместе с Францией, конечно, Англия и вся свора государств революция для всех их—смертельный яд.

Но же главная причина выступления Японий и др. „культурных“ государств против „варварской“ России. Причина эта—русская революция, вселяющая во всем мире на

протяжении всех минувших времен. Никогда положение старого мира не было настолько шатким, как теперь. Русские „варвары“ опередили своих „цивилизованных“ братьев в своем стремлении к лучшему—вперед. Старый мир, „элементарный и элементарный“ всем государствам, разрушается молодой Россией. Вот где—собака зарыта, вот в чем—грозда, главный выт, основная причина выступления Японий против России,—выступления государства против российской социалистической революции, стремящейся разрушить власть, как экономическую, так и политическую,—власть капитала и государства (богачей и привилегий).

Одною рукою японская господствующая мразь озверела, как лавина, дунит разрывающее революционное брожение внутри японского рабочего класса, другую протизивает, заранее заручившись поддержкой остальных государств, чтобы заглушить русскую революцию. Микадо крохит за свой трон, японские кулаки—за свой парламент, и готовы поэтому спасти Николая Безземляного и русских помещиков и богачей, эти „угнетенные невинности“.

„Цивилизованные“ ликари не остаются в стороне от происходящего. Чтобы создать формальный повод (именуемый учеными *casus belli*) к смертной войне над русской революцией, они не брезгают кровавой провокацией. Участь „печальная“ русского коровофанного тигра и японский крокодильи хвост начали Япония и его ополчение—японскую буржуазия. И вот грязными руками паразитских убийц они отнимают жизни двух—трех тысяч „верноподанных“, как живут во Владивостоке, для того, чтобы „создать“ *casus belli*. Тут нет ничего особенного и удивительного: такими капитал и власть ищуте всех стран и всех партий. Господствующий класс Японий ни хуже ни лучше господствующих классов других государств,—в данном случае он оказался только понахальнее других, выступивших во всю лапу свои звериные когти, потому что на его стороне оказалось больше духовного убозства и трубой сыты палача.

Здесь уместно упомянуть о том, что русская буржуазия, открыто высказывавшая свои „желания“: „хоть бы германцы поскорее парядки навели“, гордо симпатизирует выступлению Японий против России. Поляют, русская нечисть не может не симпатизировать японской шпалы. По-бому фарисейское притворство националистов и патриотизма, по-бому деланный стыд канжей: революция самим образом представляет господ и владетельных! Для здрачих обнажилась окончательно отвратительная физиономия фарисейского старого мира.

Но что же дальше? Как быть? Что делать? Где выход? Российским властями „заявлено“ протест и по всей Сибири „объявлено“ военное положение. Ценности

всех словесных протестов—ноль без десятилетия. „Объявление“ всей Сибири на военном положении тем больше непонятно ни с *политической* ни с *стратегической* точки зрения. Почему? Зачем? Какие выгоды для японских „государственных“ разбойников и палачей, именующихся деятелями, имеют, напр., Туркханы, Нарым, Сургут, Якутия и тундры севера и прочие северные медвежьи угодья? Мероприятия „заявленные“ и „объявленные“ можно объяснить только старческим размышлением мозгов наших „государственных“ деятелей. Неужели они думают, что до потанинского возраста? Перехватить и отпел в утре пасмурных дней? Рокковой коней всякого „социалистического“ течения в нашей революции. Все политические экзальбраты, салютотрагисты, балаганцы, комиты и клоуны так оговаривают свое жалкое прозвание.

Между тем выход имеется—протизивать, не в боязни и секунды, в вооруженно беднейшей и наиболее революционной части японских и крестьян Сибири (Амуро, с Приморского края, где японские паразиты уже начали орудовать). Государственные „служки“ опустеют и этому *анархическому* методу опогнелости, тем не менее в нем—единственное средство спасения революции от интернациональных и отечественных контр-революционеров. Красная гвардия, красная армия помоч не могут, вооружение же *самых* заинтересованных в успешной революции крестьян и рабочих—одно противодие против разлагающегося дня реакции. Конечно, оно разрушает реакцию, разрушает и государство, этот старинный и подлыйный оид охватывает реакцию, но оно одно, это противодие, может обезопасить *делательство*, но не оформлений, не призрачный успех крестьянско-рабочей революции.

Большевики должны понять это, если только они не хотят облыбаться с реакцией, если только они не хотят сознательно идти по пути *сознательности* или *бессознательности* угнетенных. Революция буржуазно—ресубликанской реакции, по существу самой ужасной, для дня революции, и остается, как раз,—на ней старого мира, как их социалистический предшественники и борьба в прошлом году русской революции.

Но уж мот ли они, зарывшиеся проказою власти, понять это? Это вопрос, на который приходится ответить отрицательно. Несомненно одно: знай Япония капиталистических феодалов, буржуазных крепостников, инструмент „агентуры“ ли попорту японца, который оборудован по последнему слову науки, о том, что вооружена *рабоче-крестьянская* Сибирь, она, при всей своей изворотливости, не решалась бы попортукавать внутрусекского буржуа, хотя и за высокие проценты. И не попортукала бы даже протизивать свою лапу к Владивостоку, не тогда уж о том, что не высказала

бы полагновения протизивать ее дальше—к Уралу. Разрушая русское капиталистическое крепостничество, но слаясь бы и японским удавам и агрусам русские рабочие и крестьяне. Протизивать могут только вооруженные (колено, не в форме армии). Позабьтесь об этом *самим*, не возлагайте никаких надежд ни на большевиков ни на советы депутатов. Большевики, металые в боюлаки над крестьянами и рабочими, сами начали копить себе яму, вооружая военно-пасных (между ними встречаются *небывающих*) *пржеде* вооружения своей рабочей и крестьянской среды. С той же оренкой укрепления своих начальственных оидений—они правы, но с точки зрения *революционной* практики—их *политические*, подоумительские действия не выдерживают и первого натиска критики.

Пока дело поправимо,—пока не

поздно. Рабочим и крестьянам необходимо отказаться от услуг всех жовалов, лавек, командиров и пеленателей и *самим*, без всяких посредников и синекретов, прокладку дорогу в новый мир,—к лучшему. Своё кровное дело надо *взять непосредственно* в свои мозолистые руки. Так будет вернее и прочнее. Могут ли это сделать советы депутатов? Нет. Но это могут сделать *сами* рабочие и крестьяне.

Вас пострашат бую и буржуа и социалсты, вместе они скажут вам аггресивно-трагическим тоном: „Это *анархический* путь“. Не бойтесь. Когда вы станете *сознательно* анархистами, только тогда будете и *свободными*.

Вие старей не освобождения ни для рабочих, ни для крестьянской бедноты.

Не плачьте!

Не плачьте над грудами павших борцов, Не бойтесь о оружие в руках. Не пойте над ними надгробных стихов, *Слезам не смеяться их пред!*
 Не плачьте ни над павшими, ни над мертвыми, *Плавайте без страха по мертвым телам, Нитие их знания вперед!*
 С прагом их, под знаменем тех же идей, Везде их бой до конца!
 Нет почести душе, нет траньи святой Для тех достойной борца.

А. Пальмин.

Чего не хватает?

Революция продолжается. А народные массы страдают и чего-то ждут. *Ждут, что кто-то их устроит и даст все*, что им нужно: пищу, одежду, жилище, образование и т. п.
 Мига едет—когда-то будет. А пока-что в этом направлении ничего не происходит, не сделано за истекший первый год революции.
 Замечается уже охлаждение и начало разочарования, а контр-революция между тем готовится попить свою годовую и вредит с каждым днем за счет революции.

Печально, конечно, но *это факт*. И в этом нет ничего удивительного: социал-государственный весь оттопел, влов, разнородностей и местных поучки простодушных, что в тот момент, когда власть будет в их руках, то тогда же начнется осуществление, воплощение социализма, которое вскоре и закончится полной победой труда над капиталом.

Но вот с начала революции эта самая власть все время давалась сама в руки и среди *искателей* ее произвола, профитов и будет производить, иначе и быть не может, дикие и бессмысленные раздоры.
 Они и них говорят, что у нас-де промышленность слабая, народ темный, невежественный, и тем самым недогонят от вступит в обетованное „царство социализма“. Нет, крайних „концентрация капитала“, „централизация власти“ и „пролетаризация масс“. Словом, бедная недостаточность „выбрана в котле капитализма“, но давшему выражению Плеханова, кажется: Выходит так, что „революция по Марксу“ должна быть буржуазной, а потому выход из положения—в коалиционном министерстве и затем в управительном *союзе*.

Другие из них, посмеяев, выраваи у тех власть „объявляи“ революцию социальную, но социализма по своему марксо-ленинскому рецепту что-то все еще не изготовили.

Предполагаемая в Томске замена безработных служащих в разных бумагообработательных „учреждениях“—домовладельцев и прочих *имущих*, а также их жен, дочерей и вообще лиц, могущих существовать за счет других, совсем не идет к социализму, ибо эксплуатация не только не ослабляется этим, а наоборот—усиливается, принимает более смекалетую, хитроумную и, следовательно, тупеую форму. Это просто означает:—„Ты, милая домовладелица, милая *доминантная*“, а работай на тебя больше голаш“. Организация государствами общественных работ для раскрепощения безработных *никуда* не годится, ничего собою не приносит, кроме обмена голодающих, затуманенных их сознанием, потому что она *опять-таки* является на эксплуатация рабочих государством. Зато и затряпывания и без-

рабочими социал-демократиями Луи-Блана во Франции в период революции 1848 г. подтерпел отсюда. Благодаря экспериментам полудуши в власти, в заревовав жару чужими руками, рабочие понесли тогда лишнее поражение, хотя могли победить. Кроме того, подобные «социалистические» приемы принаеались в трудные минуты естественной фараонами еще 5000 лет тому назад, к ним же прибегал подпольный тиран, Пашолены всех народов, когда им нужно было укрепить свое расшатанное господство над трудовыми массами. Это необходимо помнить безработным в первую очередь и рабочим вообще.

Социалистическая власть, как и всякая другая, гораздо ближе к фараонам, чем к социализму: уж такова природа власти. Жизнь нельзя втиснуть в рамки власти. С рамкой власти, хотя бы и социалистической, жизнь не мирится и никогда не помирится.—не может помириться: иначе жизнь сама себе подпинала бы смертный приговор.

Что не хватает теперь в хозяйственно-экономическом отношении, в узком смысле?

Не хватает мануфактуры, железа, инструментов для крестьян и рабочих, а также хлеба для городских рабочих. Да и для бедноты даже сибирских крестьян—это тоже забывать не надо. В то время, как в деревне нет порядочного товара и даже подкапка, а это самое время в городах тысячи и десятки тысяч здоровых, трудоспособных рабочих не знают, куда руки свои приложить? Какая ужасная пенеленость! И до очевидности ясно, что этому никакая власть не сможет помочь.

Рабочим не хватает главного из того, что им нужно: самостоятельности и самодетельности—и в области мышления и в области действий.

Рабочим нужно безотлагательно самим заняться организацией мастерских в городах для выделки предметов, необходимых деревне, и саморегулирование расшататься по деревням. И там они найдут применение своим силам и ремеслам, организуя кузницы, тележные и другие мастерские на товарищеских началах, без посредства эксплуататоров. Для добывания железа, необходимых инструментов и подобных предметов рабочие и крестьяне должны войти в непосредственное соглашение с горнопромышленными и другими фабрично-заводскими рабочими сейчас же, не откладывая в долгий ящик, самостоятельно, непосредственно, сами организуя работу и сбыт как сырья, так и готовых фабрикатов и изделий.

Это единственный разумный выход из того тупика, в который попала революция благодаря всластолюбивым проходимцам. Если в этом направлении ничего не будет сделано самими рабочими и крестьянами, то контрреволюция не заставит себя долго ждать.

Когда крестьяне и рабочие поймут и станут смелами, отважными, самостоятельными—самостоятельными поирками жизни, вопреки всяким популянкам и клумам, приказам и командам, разрушными на своем пути все препятствия и преграды, тогда и наступит конец царству паразитов, проявит коку масенная и наступит для него великий пост.

Рабочие, крестьяне и безработные. Не падайте же ни на кого, не ждите облегчения своей тяжелой участи ни от кого: никто этого сделать не может—кроме нас самих, хотя много говорунов сулят вам жареныя в масле, еси их вы допустите к власти. Но верьте никаким всластолюбивым (политическим) партиям, популякам и вождям. Они не только не нужны нам, но и вредны. И существуют-то они потому только, что существуют люди—рабы, не желающие повесить свои мозги и быть свободными, и для того, чтобы обманывать этих дураков. Зависте всаух, بروмо всем кандалитам в «хоробре» начальство над вами. Рука прочь!

Сами избавляйте себя от фараонов—от рабаства капитала и власти.

Гомск, 5 апр. 1923 года. 1918 г.

Ф. В.

Сословие длинных языков

Все вы знаете человека приличной наружности и во фразе... Кто он?—Или адвокат в ресторана первого номера или адвокат. Общее между ними, фран, который они подчеркивают свою причастность к привилегированному классу и услаждаются. Оба они в услаждении—задей у гуляющих купчихов, мажущих ему руку горничной и за то целую дюжину «на чай», адвокат—в услаждении у так называемого закона, охраняющего богатых от бедных и угнетенных людей, ставших из-за нужды ворам, грабителями и мошенниками.

Кто лучше?—Вряднато, разве отпадший в рабство свое тело... Кто хуже?—Конечно, адвокат... Назначение адвоката—доказывать, что черное—белое и наоборот. В течение долгого времени,—в университетех, они готовятся быть лжецами в жизни.—не правдив, лгут с рашней молчаливостью. В этом надо отдать им справедливость.

Свою лод они называют красноречием и служением истины. Не пора ли, дорогие товарищи, поведовать об этой пресловутой науке, о красе, в котором она слит—суде, и о безвестных людях с длинными языками, присуждающих ей? Не пора ли разглядеть в услаждающем стекло этих вредных насекомых, родинкишек в гнидом болоте и разносущих по бому-свету губительную для нас бозызию—преклонение перед законом?

О, да! Они, эти болтающие господда, кивают своєю наукою. Юстиция—дядя их все. Но что такое юстиция?—Наука о праве.—А право в наш дни, в современной жизни—это тот самый геттовет, который рассуждает: «если я ем чужую яему

- Прокурор обманает.
- Адвокат защищает.
- Судья судит.
- Торговля стрелец.
- Палач казнит.

Вот она—вся прирочесная шапка. Но разве она дождает больше, украсившему хлеб, что он—вор? Нет, он прав, ибо все на земле должно принадлежать всем. И разве смерт, расуказывая логичнее, палач казнит, грабителя, еси тот, граба, записав себя от организационного государственного и капиталистического насилия? Если существуют преступления, то лим потому, что общественная жизнь должна быть строена.—Кто же, как не юристы, поддерживают дог и обман.

- Поэтому следует:
- Прокурора обвинить.
  - Судью судить.
  - Торговлю стрелец.
  - Палача казнит.
  - Адвокат же может их защищать, но сословие длинных языков богиливо.

Нам же, угнетенным, ни судьи ни судьи, ни законы не нужны. Пусть погибает от безработицы!

В. Верхоуотинский.

Мысли анархистов.

Когда вы хотите узнать что побудило интересею до безделью—рабов, не спрашивайте об этом у богачей, господ: они никогда не скажут вам правды потому, что никто не любит говорить против себя и еси вы желаете знать, что выделочные аватары, спрашивайте об этом у жемчуга или у моих товарищей, но не у жемчуга или у моих вельмож.

Эрико Маззетта, власти есть только одно средство пробуредить от злшога патриотизма. Повиите, что все то же, от которого вы страдате, на же, еси вы будете делайте, подумайте тех думлениях, которыми обманывают вас императоры, короли, члены парламентов, правители, военные, капиталисты, духовенство, агентаи, художники,—все те, кому нужен этот олимп патриотизма, чтобы жить вамими Трудами.

Дав Толстий, Савос поветствует: «Истина достояние нас состоит в том, что ии раздвигают граждан, отменяет их друг от друга, возмущает их ко взаимному недоверью и презрению. Все перестает действовать, ибо никто не остается поодиножко из своего соседа, и мы становимся свидетелями этого странного явления, что масса, состоящая из людей хитрых и готовых без колебания чертовничать своєю жизнью, ведет себя малодушно».

Анур Арду, Дни глубокой печали—в то же время дни великой надежды. Принцип русской революции—в то же время и принцип всемирной революции.

Эрик Рекан, Революция есть величайшее гумашество, как болге искусство, что оно традиционно в то проиождение его затерялось в самой глубокой древности. Как коллективное безумие она проникла в самую глубину общественной и частной жизни народов: она выхолстала в общество; она сделала, как сказать, коллективной душой и мыслью. Каждый человек буржен религиозным ритуалом с есматом рождением; он вснакает религию с малюком матер, выживает ее со всем, к чему он прикасается, что видит. Это как исключительно проиоукать, так отравлен ею во всем своем существо, что познать, как бы слепым или был его природный ум, он должен делать невероятные усилия, что бы освободиться от нее, но и при всех усилиях это ему никогда вполне не удается.

Михай Вавулин, Мы, анархисты, проиоисели описательный приговор над диктатурой, как одного лица, так и одной какойнибудь партии, в сущности говоря, это одно и то же. Мы знаем, что одно лицо или одна группа не могут дать должного направления социальной революции. Мы знаем, что революция и революционер, несомненно, что одно явление имеет право, жалова бы вли бы форма правления; диктатура, короче говоря, ил парламент. Мы знаем, что наша сила заключается в следующем одной формуле: «Только свободный мочия народа может создать что-либо певное и прочное, а всякая власть стремится убить этот почин. Вот почему, еси бы на

ми не до должим были пробить черз горло народа, что-б был осуществленным, еси бы мы стали хозяевами того заславовагоо хитрословения,—правительства, которое позволяет каждому действовать сообразно своей фантази, то лучше из нас чероз выход стал бы достойный светорной жизни. Мы знаем, что всякая диктатура, как бы честили бы были ее намерения, ведет проиоислу к смерти. Мы знаем, наконец, что идея диктатуры есть нечто иное, как заворедный продукт правительства, идеоложностью, который, вместо с религиозным идеоложностью, всегда стремится увековечить рабство».

Петр Кропоткин, При тервершем положении же революции развивается эволюция; революция роковой фазис, черз который нам предстоит пройти. Мы можем справиться, что революция необходима еси и для того, чтобы спасти человека, често от регресса (от злышности назад и вырождения), к которому влечет его эволюция буржуазного общества.

Жан Грав, Железие, основанное на рабочих и других,—неосмысленное желеие двух людей.

Матрона Прияклов, Как на яблоки могут расти только яблоки, точно так и чувствительны необходимы проповедывать правду не может мочать о ней.

Поав Берто, Помышлять об ограничении революции, втискивать ее в узкие рамки не влше дело, это дело извращения. Доложить до такой степени ервительнейшей реакции и реставраторов на эту контр-революционную работу. Мы же всеми мерами должны бороться против всяких оговорок ограничения революции. Наше дело, авра, расширять и углублять революционное движение от пределов социальной революции».

К Ортегга, Нам идея не умраетное государства, а всемирный союз-работчий интернационал, объединенный великими принципами анархизма, а не партийными программами, наше идеаль—свободная коммуна и рабоче организация, а не центральные комитеты с полкгополатами и подрайонами.

Рабочая кооперация, буржуа не существует отсталой, еси не при мет формы широко-общественной, коммунальной.

А. Таратуа, Истинно-мудрый человек чувствует потребность стремиться в обшину, бланую это бланое его единственная цель. Еси оно осуществляется теми руками, то он не чувствует себя обиженым или обманутым.

Вильям Годвин, Управление людей, людьми есть рабство.

Кто назидывает на меня своєю ружу для того, чтобы повелевать мнею, то думайте про себя. И объявление его своим правым.

Пьер Жозеф Прудон, Помощ черт может только оглози, и эту помощь она должна добыть сама. И она добудет ее. Еси бедники не понимают страхи, они становятся неоскорржимыми слезо.

Макс Штирнер, Всякое властвование есть зло. Оно не становится чем то другим, и в том случае, когда представляет собою господство большинства.

Бенжамен Туккер, В общественном движении наших дней поваясь большой раскол, который с каждым днем заметнее все больше и больше увеличивается. Новый тип анархизма, отменяющий от себя,—создался. Последователи его и против, разбавлены на два болющие лагеря.

Нужно занять позицию тут ли там. Тактика—вопрос второстепенный, вопрос о средствах борьбы; нельзя их указывать вперед: им жизнь, время могут их заменить.

Алексея Боровой, Давно уже не было доклада, что нет какой то особой жизни, неземной от жизни тех, кто бунит есть не более, как орган мышления, мозг, который подучает внезачеия при посредстве органов чувств и т. д., следовательно, душа умирает вместе с телом.

Разделение государств, Еси экономическое положение Европы может быть формулировано словами: проиоисленный и коммерческий хаос и неоспособность капиталистического производства, то политическое

осостояние должно быть охарактеризовано так: безразное разделение и близкий крах всех государств.

Действительно, все они, от жандармского самоуправления Германи до буржуазной олигархии Швейцарии, болше или мале, ит в развитии и, следовательно, в упадке.

Духовные тарии с морщинями на теле и дрожащей поступью, издевательские конституционные болезнями, неспособные пробраться к новым поколениям жизни, они безжалостно разстраивают жалкий остаток своих сил на злышную вражду, на злышную отягачивание пресловутой, и этим ускоряют свою гибель.

Национальные болезни—болезни старости и разложения—глубеи их.

Достигнув в XVII веке кульминационного пункта своего развития, старые государства Европы вступили теперь в фазу упадка. Государственные организации, в которой всеми членами и всеми силами участвовало несколько человек, оно отжило свой век. Число членов увеличивается уже новые формы общественной жизни. Народ стремится к разрушению старой, преемствующей ей свободному развитию. Он хочет самостоятельности провинций, комун, рабочих союзов, основанных на великом добровольном соглашении, а не на предписанных властью законах.

Вот та историческая фаза, в которую мы уже вступили. Еси-бы правдивые классы могли только познать современное положение общества, они, конечно, поспешили бы стать вперед всех новых стремлений. Но проиоисхождение все жизни по старым привычкам и боязни гонимого капитала, злышного золотого мешка, они всеми силами пробраться налыну новых идей и идей самим неизбежно ведут нас к бурному потрясению. Народ пробуждается, он требует правды, но не правды, под предв жемчуг, при зареве покаяния».

Когда, после падения средневековых учреждений, пародияли в Европе новые государства, они должны были заведовать или небольшим кругом общественных дел. Теперь же государство вмешивается подложительно во все проявления нашей жизни. Он вмешивается до мелочи во все ерш и таскает конституцию. Будь то центральные государства, автономные провинции или кантоны, обшное государство, оно преемствует нас повсюду, налагает на нас свои печати, предписывает нам свои законы».

Оно создает целые гурды эти законов и преиспанций, разбирается в которых не может самый искусный адвокат. Это каждый день проявляется—чтобы было новое с старой манерой, и так далее, обшное государство, оно преемствует нас повсюду, налагает на нас свои печати, предписывает нам свои законы».

Оно создает целые гурды эти законов и преиспанций, разбирается в которых не может самый искусный адвокат. Это каждый день проявляется—чтобы было новое с старой манерой, и так далее, обшное государство, оно преемствует нас повсюду, налагает на нас свои печати, предписывает нам свои законы».

Результаты—нам елишком хорошо известны... Еси-бы тотю она отпала от государственной деятельности, которую бы не осуществляли все, имеющие к ней отношение, эта она отпала, в которой государство, после многого время существования и колыхания, не показало бы своей неосостоятельности».

Громадных, все растущих сумм, выхлещая с шорохом государство не хватает, и так далее, обшное государство, оно преемствует нас повсюду, налагает на нас свои печати, предписывает нам свои законы».

Государственные долги Европы достигли сейчас непомерной цифры—многих сотен миллиардов, сотни тысяч миллионов франков.

Еси бы доходы всех государств были употреблены на погашение этого долга, на это не хватило бы и пятидесяти лет. Между тем, государство с каждым днем увеличивает свой расклад, увеличивает расходы, а это значит, что он создает новые долги для своих клиентов это неизбежно. Так обстоит дело во время мира. Когда же наступает война, государственные долги и дефицит (цифры убавляются) возрастает непомерно. И этому нет конца: нет выхода из этого лабиринта. Государства на все гурды идут к разорению, к банкротству, и не вдалек том день, когда обшное государство вытесняется платиной

сегодно бижирам больше десяти миллиардов процентов, объявит полней крах государства и пометит эти деньги как быстрое падение земли, если бы только жила.

С существованием государства не связана необходимость войны. Государство должно быть сильным, сильное социальное, иначе оно будет игрушкой в их руках. Оно должно способствовать разрыву других государств, чтобы подчинить их своим законам, ввести свой торговый договор и разработать за чужой счет. Борьба за преобладание, основа буржуазной экономической организации, является в то же время основой и государственной организации. Вот почему война стала естественным состоянием Европы. Войны прусско-австрийская, прусско-французская, война на Востоке, в Азия и Италия и настояла — непрерывно следуют одна за другой. Проявляется еще новые войны. Россия, Англия, Пруссия, Япония готовы вновь направить друг на друга свои воины. Причин для войны есть еще на несколько лет.

А война является за собой бедствие, война в Европе, война в Азии, война в Китае. Кроме того война — страшнейший удар для государства. После каждой войны народ убеждается в несостоятельности государства даже в его прямом назначении: оно едва защищает свою территорию; даже победителем оно терпит большой урон. Выполните только брожение, вызванное войной 1871 г. как во Франции, так и в Германии; помните революцию, возникшую в России по поводу войны на Востоке. Теперь в особенности.

Войны и вооружения ведут государства к гибели: они усугубят их промышленный и экономический крах. Еще под войнами — конец этих разнородным машинам.

На пути с гражданской войной — война странная. Признанное народом на законной основе законным правительством страны, государство стало эксплоатировать, завоевать рабочие.

К чему она, эта огромная машина, используемая государством, — представляет ли она эксплоатацию рабочих, капиталистов, крестьян, помещиков? Обеспечивает ли нас свободу труда? Защищает ли нас от голодных? Давай

ли хлеба женщине, когда она воюет старшими угодли-году ребенка, плачущего у ее истощенной груди?

Нет, тыслуи раи неми! Государство, даже социальное, как есть теперь Россия большая — поворот-летелетива эксплоатация, эксплуатирующая собственности — тому придиру грабежа. Пролетарио же нечего ждать от государства: оно всеми силами стремится помешать эмансипации.

Все для паразитов — женщина, все против работников — пролетария: буржуазное государство, разрабатывая ребенка, внушает ему предвзятую любовь рабства; первым, затуманивающим разумок женщины; законы, препятствующие обмену мыслей о равенстве и солидарности; деньги для развращения и подкупа социалистических „апостолов“ пролетария; наводнение тюрьма и казнь и убийство для того, кто не желает посылить. Вот что такое „государство“.

Может ли это идти так дальше? Конечно, нет. Новый класс общества, самый многочисленный и единственный производный, не может вечно поддерживать организацию, направленную вечною против него. Везде — как под деспотическим Игом Германии, так и под демократическим правлением гамбургцев и в Швейцарии — подавляющий народ востает. История наших дней — это история борьбы привилегированных привилегий с угнетенными народами, требующими фактического, а не бумажного упрещения прав. Эта борьба составляет главную заботу привилегий и вечною рукою истории — это история борьбы привилегированных привилегий с угнетенными народами, требующими фактического, а не бумажного упрещения прав. Эта борьба составляет главную заботу привилегий и вечною рукою истории — это история борьбы привилегированных привилегий с угнетенными народами, требующими фактического, а не бумажного упрещения прав. Эта борьба составляет главную заботу привилегий и вечною рукою истории — это история борьбы привилегированных привилегий с угнетенными народами, требующими фактического, а не бумажного упрещения прав.

Гибель государства близка и неизбежна. Самая социальная философия не может не видеть закона грандиознейшей революции.

Петр Кропоткин.

даль должна бы соединиться к тому, чтобы на развалинах последнего было построено общество будущего.

Но что делают для достижений этой цели социал-демократы и социалисты?

Ответа на этот вопрос возмущает самую глубокую в парламентарных социалистических партий и демократии, что говорил один из влиятельнейших людей в парламентарной ее фракции, ныне покойный депутат Август Бебель. — За все 40 лет деятельности социал-демократов в рейхстаге, говорил он, она никогда не была предложена, о котором можно было сказать, что оно направлено против существующего государственного и общественного порядка“ (реч Бебеля в рейхстаге, 26 го февраля 1907 г.). Педаром Вильгельм Либнехт называл в 1895 г. своего социал-демократическую партию „партией порядка“.

Бедла — в своем прочтении в Вене докладом („Прямо противоположно“) оказался истинным пророком. „Уже сейчас, говорил он, есть признаки, указывающие, что социал-демократы не сумеют надолго сохранить свой революционный характер, совершенно игнорируют существующий государственный строй. Она не обходимо превратится в радикальную партию реформ“.

Таковой она и является на Западе, да и в России, последнее время.

А более 20 лет тому назад и „молодые“ социал-демократы также указывали, что немецкая социал-демократическая партия стала партией реформы с мелко-буржуазными тенденциями.

Да и повсюду депутаты-социалисты чересчур заботятся об общественном порядке. — У сохранили существующий строй. 16-го июня 1896 года социалист Жюль Гед поучал французский буржуазный парламент, внушая ему, что социализм является лучшим средством от рабочего класса, который он был, конечно, прав. Беретесь, говорил он, и вы увидите, когда исчезнет социализм (господский, А. К): вы будете отныне беззащитны частному мещанин, гонимым со стороны отдельных лиц. Указывая рабочим на общее освобождение, исходнее и могущее выйти только из общаго политического действия, мы в сущности, являемся громадным обще ством страждущих, промышляющих феодалов“ (крупнопуст).

„Почтенная деятельность! Остань в стороне заступательной частной помощью социализма — что давай из господских социалистов именно о страждущих жидов промышляющих бирничиях под этими словами страхового капиталистического общества. Как узнаю, что одна из охрана буржуазия и рабочих охрана, социализм превращается в охрану буржуазии, а социализм равно прав был Артур Лабриера, говорил, что социал-демократия — последняя буржуазная партия, которой может быть вручена задача капиталистического общества“. Неудивительно, что радикалы не редко указывают на то, что деловая программа социал-демократов и в чем отличается от программы социализма.

Социал Коппер Морель (депутат) в реферате своем 1-го февраля 1912 г. заявляет: „Мы так же не желаем насильственной революции, как превозносить похваляли борьбу классов. Дальше оттого, чтобы толкать пролетариат к насилию, приложить это ийти на улицу, возбуждая его, это злодейство своим мускулами для экспроприации буржуазного капитала, мы, наоборот, требуем от него, чтобы он пользовался фабричным билетом, завоевал общественную власть для того, чтобы на законном основании сделать, общественную революцию. Доказательством этого служат то, что в каждом из собраний, где мы можем соединить ту массу пролетариата, которую мы достигли с и неимамым движением, не имеем истинного гнета, не имеем обдуманного и сознательного действия, это потому, что она слишком много и слишком долго страдает, мы стараемся“ оставить ее понасть, что преобразование коллективной капиталистической собственности в общественную социалистическую собственность, должна быть нашей задачей“.

Мы очень ясно веруем в то, что желаемыми мирным, спокойным разрешением рабочего вопроса, с отказом от революционной борьбы со стороны господских социалистов. В общем же дусловно нрав был Дале Ракель, говорил, что „необходимая бюрократия эволюция, с которой общеприятная социализм из врага буржуазное общество обратился в его близкого и приятного соседа, будто один из злобных“.

Можно сказать, что социал-демократы и социалисты в общем же дусловно нрав был Дале Ракель, говорил, что „необходимая бюрократия эволюция, с которой общеприятная социализм из врага буржуазное общество обратился в его близкого и приятного соседа, будто один из злобных“.

Группы интеллигентов „Набав“.

Социалистам нечего, не существовать, делать в парламенте, как и в любви законодательного собрания. Социалисты должны стравиваться в парламенте, чтобы достигнуть совершенно никаких результатов и проводить разные законы-реформы, укрепляющие это государство.

дее интересных замыслов новейшей истории“.

Град, по словам Бебеля, немецкие социал-демократические депутаты „дуршеди“ существовать подобно. Но, да, да, „дуршеди“ существование этого народа не есть, конечно, дело разрушения буржуазного общества. Наоборот, мы имеем здесь дело со стремлением укрепить современную общественную строй. „Реформировать в буржуазном обществе“, — справедливо говорит М. Сорель, — это значит утверждать, что общество является и другие этого современного общества“.

Естественно, что историческое значение социалистического реформизма, выражаемого, по определению Лабриера, в том, „чтобы приспособить грубую социалистическую задачу к игре-смысл буржуазного класса“. И понятию, что „долги во всех прогрессивных странах буржуазия оставила некие насильственные меры по отношению к капиталу, главным образом благодаря реформистским типологиям, зарождающимся в его недрах“. „Социалистический реформизм“, — продолжает Артур Лабриера, — представляет в несомнительной форме попытку буржуазии захватить в свои руки социальное движение ради общечеловеческих своих основных интересов“.

Таким образом, удающимися со временем порядком социализм приходит в парламентах идти рука об руку с той частью буржуазных депутатов, которая гонится за идеями закона, записывающих сделанные ими работы классом социализма.

Разные между эти депутатами и депутатами социалистическими не существуют; можно даже сказать, что они не существуют с практической точки зрения. Правда, депутаты-буржуа, издавая такой закон, развешивают на то, что его повязание „указывает общественное недовольство“, и в своем же и передо управляет. Правда, депутаты-социалисты руководствуются совершенно другим соображением и думают, что такие законы способны „укрепить позицию недовольных элементов для дальнейшей борьбы за их социальное-политическое идеаль“. Но они, конечно, ошибаются.

Закон реформа, закон на омуту только то, чего уже добились. И в то же время, как и в том, что нечестно и без смысла закон, эти же законы не укрепляет (за все время он даже приумножает в своем тексте сумму рабства завоеваний), и, если что и дает, то только ложную уверенность неразумным же работам в том, что парламентарий привнес их закону то злобу.

Т расшариваются за это злобующее. Если бы только самим социализмом, но и работавшего труд социализма — их тут в бараний рог и трепать они все ужаснее и ужаснее.

А Коцгаров.

Капитализм и общество.*

Отчество! Но что такое представляет собою отчество и почему вы требуете от меня, чтобы я его записал? Отчество, все у меня отложено, и вы требуете от меня отчество? Обобщайте ли мне это — наши чудные полч и нес, наши горы и долины, наши прекрасные деревни и города.

Отчество — это одна большая семья, это — наши сограждане, наши жены и дочери, наши дети и народы. Это также свобода учреждений, управление нами, красота места, где мы родились, наши чудные горы — прекрасная Азия; все это, говорит нам, — наше отчество. Но что касается нечестия, то к этому отчеству относятся равнодушно. Ни один квадратный сантиметр нашей любимой земли не принадлежит нам, и я имею на нее столько же прав, сколько на кусок земли где — либо в Китае или Перу. Вы говорите „наша земля“ только тогда, когда мы должны заплатить ей, но когда мы хотим извлечь из этой земли плоды этого земледельца, и являясь свободным производителем, то тогда земля перестает быть нашей. Поэтому у меня нет привычки ни записывать ее.

Отчество — это наши деревни и города: но они также принадлежат мне, как земля, на которой я стою. Я могу жить только в той квартире, за которую я должен заплатить ей, но когда мы хотим извлечь из этой квартиры плоды этого земледельца, и являясь свободным производителем, то тогда земля перестает быть нашей. Поэтому у меня нет привычки ни записывать ее.

Отчество — это также мы сограждане, уговорившие нас меня; и если сам не обладал Имуществом, то я должен схватиться за оружие для защиты.

* В реч, произнесенной интеллигентом Шарлем Ремондом при первом суде, в которой он обосновал свой отказ от военной службы.

шты своих сограждан. В этом отношении я согражданин с вами, как действительное существование большое число сограждан, получивших в мое вступление, а не в мое вступление. Но, но есть также множество других сограждан, являющихся моим врагами, моею тещей, к которому я принадлежу, — это капиталисты, эксплоатирующие рабочих.

Между тем среди граждан других стран имеются люди, являющиеся моими друзьями. Это те женщины, которые подруги доходят до такой же эксплоатации в своих странах, какой я подвергаюсь в Швейцарии.

И ввиду с этих капиталистов — эксплоататоров других стран также являются моими врагами.

Я не признаю такого разграничения между людьми, которых признаю за врагами.

И являю только две нации: наши эксплоататоры и наши эксплоатируемые; эти нации не отделимы друг от друга никакими государственными границами. И не могу, поэтому, решиться на убийство товарищей дружеской страной в интересах капитализма моего отчества.

Каждый членотечества и страждущий на всем земном шаре — мой согражданин; но, с другой стороны, все угнетатель — мой враг. Вы говорите, что я понятия отчества вкладом моя жена и дети, женщины и зарплата. Я обладаю, поэтому, схватиться за оружие для того, чтобы их защитить. Но враги эти женщины все не следует считать за своих друзей и товарищей по границам. Это — все те, которые переругают их, женщины и детей, работ, на поле или на фабрике, которых их магазины, где они терпят свою здоровье, вследствие чего женщины рождают слабых детей, заравно осужденные быть жертвами в борьбе за существование. Капитализм — истинный враг женщины и детей — дает им жалкую заработную плату; таким образом, часто вынуждают их продавать свое тело.

Если вы застанете меня вращающемся в ружье и защищать этих женщин, то я направлю это оружие не против тех, о которых вы думаете при этом.

Каждый членотечества, — это также то свободное учреждение, за которое наши предки проливали кровь.

Правда, наша конституция дает вам целый ряд свобод: свободу искусства и науки, свободу слова и печати, свободу собраний и т. д.

Но что остается от всех этих свобод для рабочих, зависящих от капитализма?

Если для того, чтобы быть свободным, нужно иметь кое-что. Для этого надо иметь возможность питаться, как следует, прилично одеваться, жить в просторной, гигиеничной квартире и получать образование. Всего этого пролетариат имеет даже в Швейцарии, в этой классической стране свободы. Между моими товарищами есть много, которые охотно променяли бы эти привилегии, но они не могут сделать этого, так как их рабочие привыкли жить на кусок хлеба. Многие из рабочих хотели бы променять эти привилегии на свободу, и между теми они должны уметь, даже когда они говорят об этом во имя своих товарищей.

Разве мы не видели ежедневно, как смелыя, говорящие в лицо властям мира свое всю правду, один за другим попадают на капиталистическую гильотину, то есть являются насильно работниками, что равносильно медленной, злобной смерти? И в той же степени, как от имени свободы слова и печати, пролетариат имеет также и свободу собраний. Каждый день мы видим, как капиталисты вытравляют на улицах рабочих только потому, что они являются членами своих организаций, борющихся с эксплоатацией капиталистической.

Такова свобода, выдающаяся на долом экономической зависимости. Почему вы должны променять свободу, если вы видите, что в действительности вы не обладаете, к которому, потому, никакой обещатель не сможет отнять у него? Скажите мне, что имеет рабочий от всех красок местной, в которой он родился и которая тоже входит в понятие отчества?

Имеет ли будущая часть женщин и работников епархиальности, принадлежащая к числу воздуха земли и присущаясь к нему итн и шуму ружья и ружья?

Нет; они вынуждены сидеть на фабриках — за машинами. Когда работница, в воскресенье, остается одна и находится для себя немного свободного времени, то она идет ругать своего бывшего частью только грязную улицу.

Нашими чудными Альпами наслаж-

К рабочим и крестьянам.

Украденные сотни винтовок и тысячи патронов найдены. И где же у кого?

У Томской организации партий социалистов-революционеров (правых). Хороши „революционеры“ и „социалисты“! За несколько часов до этого эс-эровствующий студент Розеншток в совете рабочих депутатов выкивал науськивал на анархистов: это они-де похитили оружие.

— А про нас у вас никаких доказательств нет и не будет! патетически восклицал он надевая на себя отвратительную маску обманщика и пресмыкающегося.

Во через несколько часов после этого обнаружил „господ“ Розеншток на конспиративных квартирах.

Кто же во время революции занимается конспирацией? От кого конспирируют, пручатся?

Реакционеры, контр-революционеры, предатели, палачи революции. Причтуче от революционных крестьян и рабочих.

Рабочий и крестьянин! В опасности ваше рабочее-крестьянское освободительное движение. И советами р. д. начинают и стараются пользоваться для натравливания вас на анархистов.

Не верьте: вас обманывают самым подлым образом.

Предатели и палачи революции нужно залудить анархистов потому, что велел за ними уже легче-будет залудить и вас. Они жаждут нашей и вашей крови, они всеми силами стараются вызвать между нами братоубийственную бойню и утопить вашу революцию в вашей же крови.

Второй уже год политические партии грызутся между собою за власть, не брезгуя в этой грызне самыми извлекими, скверными средствами. Помните, что вы — одна партия, больше — одна семья угнетенных, и не верьте посулам никаких партий!

Второй уже год грызутся между собою государственные партии, а господство над вами капитала и власти остается по — прежнему.

И так будет до тех пор, пока вы не поймете, что освобождение рабочих и крестьян зависит только от их самих. Появившись это, вид, конечно, не будете сидеть, сложа руки, — будете бороться с капиталом и властью и сами устраивать свою жизнь, но исправлять никаких разрешений ни от каких партий и властей.

Сорбете с себя трусость, одного из страшных ваших врагов. Будьте самостоятельными, если хотите быть свободными!

Группы интеллигентов „Набав“.

Социалистам нечего, не существовать, делать в парламенте, как и в любви законодательного собрания. Социалисты должны стравиваться в парламенте, чтобы достигнуть совершенно никаких результатов и проводить разные законы-реформы, укрепляющие это государство.

Социалистам нечего, не существовать, делать в парламенте, как и в любви законодательного собрания. Социалисты должны стравиваться в парламенте, чтобы достигнуть совершенно никаких результатов и проводить разные законы-реформы, укрепляющие это государство.

4052/122
2 50

„Дух разрушения—созидающий дух“.

„О угнетенными против угнетателей—всегда!“

БУНТОВЩИК

20 коп.

Орган пропаганды идей анархизма.

Редакция просит друзей читателей, товарищей и сочувствующих присылать для напечатания заметки, корреспонденции и статьи. Писать их нужно на одну сторону листа. Необходимо—полное подлинное имя автора и его точный адрес. По надобности рукописи возвращаются и именуются.

Т-50069

Личный прием в редакции: по понедельникам с 1 до 2 час. дня.
Адрес редакции: ТОМСК, Уриятский, 7, кв. 10.

№ 4.

Среда, 1 мая (18 апреля) 1918 года.

№ 4.

Гонения на анархистов.

Опять гонения на анархистов становятся ожесточеннее, достигая крайнего предела, граничат с насилием, с уголовно-шательством. Гонения в Харькове, в Самаре, в Воронеже, в Таганроге, в Смоленске, в Москве. Опять ожесточенные гонения на нас от опытных начальствований вчерашних работ, сегодня старающихся удержать в своих неумных руках безобразные „всея полноты власти“, „бразды“ ей.

Особенно отчаялся Москва. И это понятно: там теперь находится „центральное правительство“, всегда являющееся уздой для свободы, инкубом для революции, декретно—именительным ставком, бумагопечатальной машиной.

Не один царский трон пах за год русской революции. Шатается трон и сегодняшних господ—властителей. А они его укрепляют, не останавливаясь ни перед ложью и клеветой, ни перед жестокостями и кровавыми гонениями на анархистов, обливая их помоями, забрасывая камнями и гильзами.

Большевики оказались не только не умнее своих предшественников на троне из эсеровско-меньшевистского лагеря, но даже и не правдивее их. То же неумие (еще не сказать больше) приема борьбы с растущим не по дням, а по часам расширением учения об анархии, анархическим движением и с анархистами, те же извращения и подтасовка фактов, те же ложь и клевета на нас и на наших друзей и товарищей, та же кампанейная безответственность в обращении с революционерами—безгосударственностью, та же „правда“ „официальных“ сообщений, в которых нельзя верить ни слову, не рискуя ошибиться, тот же грубый обмен малоразвитой умственною частью рабочих и крестьян, та же построика узко—личного благоумия на невежество масс и доверчивости трудящихся, не ушедших еще страшить себя все предразсудки власти; словом, бешеный разгул произвола.

Взывать к благоумию большевиков? Сказать им, что они ослеплены властью, до уха обезображивая ею, сходят от нее с ума и этим сами же себе работ не могут?

Но разве лбом стегу прошибем? „Не мечта бисера“... Местный большевистский офицер вынул 15 (2-го) апреля особый отгук телеграмм исключительно о московском погроме на анархистов, жирно печатая в заголовке: „десять человеческих жертв“.

— „Крови, Иго, крови! И чьей же, чьей? Крови голодных, крови угнетенных.“

Стыд и срам, несмыслимый позор властолюбцам, всем этим малякам, сумасшедшим, не видящим за своими узко личными или групповыми маленькими интересами огромных интересов всех бедных, голодных,—всех угнетенных, обездоленных, страдающих.

Где же свобода для бедных, свобода для голодных и угнетенных, которую они обещали, когда заребали в свои руки власть? От обещаний не остается даже и ломоть.

Действует кровавая баня, непрерывно спешающая из большевизма и революционного карьеризма.

Закрыты даже анархические газеты. „Акт временный“... Было бы смешно, если бы не было возмутительно до гримасы

души. Даже умереннейшая из умеренных анархических газет „Голос Труда“, даже безпринципно издававшаяся в буржуазной Америке, получила официальный плевос от „шесть бо власти“. Вот как далеко можно зайти, вот как глубоко погрязнуть в грязь, гоняясь за властью.

Мы, пережившие ужасы Томского погрома 1917 г., не можем сейчас хладнокровно говорить о московском разгроме анархистов: если бы самый хладнокровнейший человек узнал все извращение фактов и всю непопулярность несправедливости московских псалий над анархистами, то и он после этого не мог бы больше оставаться хладнокровным.

Анархиста называют ворами, разбойниками, грабителями, убийцами реңидистами, контр-революционерами, „лицами с уголовным прошлым“ (оказывается, амнистия касается только тех уголовных, кто идет в большевистскую партию). Прошлогоднее томское злобно-обильное „двое разгоне“ анархизма“ повторилось недавно в ужасные больших размерах в Москве. Вей и всех скажи! Не о чем врать. Постыдился! Арестованы были литераторы-анархисты Лев Черный и др.

Когда говорят о попытках разгрома советов со стороны анархистов, аметомо агут из самым способом провоцируют анархизм и анархистов. Так было и здесь в 1917 г., когда зарвавшиеся властеизмам нужно было для „упрочения власти“, уметь невинной человеческой кровью. Мы боремся против обращения советов в свалочное место для политиканствующих нечестов.

О захвате власти анархистами говорят иногда даже мнание себя „вождями рабочего действия“. Эти подслеповатые и близорукие судят об анархизме по тем богатым фирмам, которые, называя себя анархистами, лезут в центральные и главные комитеты, как, например, в главный исполнительный комитет Томской жел. дор. „Язык без костей“—всякий пролаза может назвать себя, как ему угодно, но анархизм тут положительно не при чем.

Дело анархистов—работать *вне*, среди поработенных, но не карбаться по иерархической лестнице. Подзудим и подзудим себя нет среди анархистов (не дутых).

Если и может быть реч о присоединяющихся к нам, то во великом случае не в таких великих и паутых размерах, как малюют большевики и как в любой политической партии. Большею частью к нам идут бедняки и голодные, сознание всю мерзость свирепного общества, борются прямо, честно и отважно за лучшее и умирать в борьбе—им победить. Если и нам и прославляется бездельники, спасающие свою холенную шкуру и подобие им, то это явление у нас исключительное.

Не то в господствующей политической партии. В ней всегда пручится все карьеристы, проходчики и лодыри, каждой

сворой едешащіє к жи́рному і лако́мому парази́тскому піро́гу господа́тва і вла́сті і к те́плым ме́стам.

Другіх не суді,—вперед на себя погляді. Вот что надо помнить господам і політикам. Хотя, конечно, для серьезной работы мысли у них недостаток времени... да і могов.

„Жертв очень мало: как с одной, так і с другой стороны они насчитываются единицами“. Дальше: „Есть несколько человек убитых і раненых с той і другой стороны“. Но... „Несмотря на то, что анархисты были ликвидированы утром, обычная жизнь города вошла в колею только к обеду“. Выходит, официальное сообщение до крайности обильно і противоречиво. Кто спит на живую? Вот оно: „Все тайное станет явным“. Смотрите, смотрите, властолюбцы: і ваша теperняя живая нитка відешаєт, диссонуююще режет глаза ікеющим іх для того, чтобы відеть все.

Репрессіє, диктатура налево всегда показывают безобіечно, как барометр, ослабление внутренней сил правительства, его внутреннее безіеіе. Правительственная же диктатура направо так же невозможно, как невозможно, чтобы река с уклоном к Ледовитому океану потекла „естественным путем“ в Индийскій океан. Создается только обман трудящихся—ослабляется іх самостоятельность. Штыком можно бороться, но нельзя сидеть на штыке. Во-вторых, штык, как і палка, имеет два конца. В-третьих, под охраню штыка можно дотачиться до начальнического кресла, но невозможно сохранить его надолго за собою ісключительно силой штыка. Если бы „начальники“ могли обладать общечеловеческой сообразительностью, они не забывали бы эти положения.

Пролетариату, рабочему классу (городов і деревень) также нужна правительственная (хотя это правительство і титулуєт, наделившаєт себя „рабоче-крестьянским“) диктатура, как лошади—хому́т ілі волю—яремю.

Диктатуры пролетариата быть не может. Над кем ему диктаторствовать? Зачем ему диктаторствовать? Если он сіею сознанием своих интересов, он вым может омыт, очистить окровавленное лицо земли от шапки убогих рабочих і разбойников—от капиталистов і начальников. Если же в нем нет сознания, то ему не поможет никакая диктатура.

Видіте, диктатура настоящего времени все больше, больше і больше превращается в диктатуру протів, над пролетариатом. Понятно: всякая диктатура есть лишнее самостоятельность вас, крестьян і рабочих.

Сознательно стать диктатором—все равно, что сознательно стать палачем.

Мы знаем, кто бы сі встал у власти, кто бы сі захватил ее в свои руки, назовіт он хоть сверх-социалистом, он принужден будет купаться по ладі официальных сообщений і стоять кровью угнетенных, рвущих сіею своего раба, а умь для возмещения рабов тираном і творчеством. Поэтому мы ні-сколько не удивляемся тому, что протероною дорожкой всех властей ідут большевики: это ровной іх путь,—его же не преидеіт. Теперь мы імеєт лишнее доказательство, что они приближаются к могіе. Нам хочется только спросит іх:

От редакції.

№ 3-ий „Бунтовщик“ не только был набран і сверстан, но было уже приступлено г. т. наборщицам к правке последней корректуры его. Виду́р председателем губернского совета народи хозяйства гр. Черепановым отдаєтєт приказ: „Бунтовщик“ не печатать потому, что об этом отдано распоряжение по телефону із губерни, исполнит. комитета совета р., кр. і с. д.

Раньше, бывало, неудобная газета ілі книга напечатается, а потом уж ее „прихлопнут“, конфискуєт.

Теперь в Томске додумались до „лучшаго“: „прихлопнуть“ издание анархистов воспрещением типографіі даже печататєт Крестина, по крайней мере, не умнее прежнего.

Гражд. Черепанов заявил редактору „Бунтовщика“:

—Я нічого сделать не могу; мне приказано свыше.

Эта „ловка“ і „аргументирован“ обрадуєт, конечно, всех тюремщиков, полицейскіх і жандармов бывлых времен; все сіе жестокости они „обосновывали“ точно таким же манером.

— Неужели вы желаете для себя безславной, уворной і позорной памяти?

Если нет, откажитесь бороться с развитием народной революции, с расширением і углублением ее. Откажитесь сейчас: скоро будет поздно.

Видіте, куда вас пришло „сотрудничество с либеральной“ буржуазієй, воспевание Луначарскіх і К-о. Из стала революционеров большевикіх переносивают в уютный лагерь реакционеров.

Вы уже окончательно духовно обанкротились. Так чего же еще торопитесь? Знаете ведь: „Рожденный позать“.... Наконец і політ-то по полігланскому і дипломатическому визкому болоту власти надо уметь.

Треще же рекламируйте свое банкротство, свой крах, свое падение, свое нравственноє оідзідєтєт. Этим вы можете еще немного продлїт днї вашего владычествия. Видіте, вы приехали на нашу сторону всех дающих гогочущих, удальничавших, науськивающих і травящих. Слышите они кровавадо кричат:

— Распни его, распни!

Но знайте і нікогда не забывайте, что холоды, псарі і царі не могут быть опорой революционного движения. А все они теперь готовы податься под ваши жестоки репрессии. Анархистов опять гонят в революционное подполье. І кто же, кто? Те, кто называет себя „коммунистами“ і „крайніми“ социалистами. Подумайте, рабочие і крестьяне: кому после этого вы можете доверять защиту ваших интересов? Нікому, кроме себя самих. До тех пор, пока свое дело вы не возьмете в свои руки непосредственно, до тех пор вы не узнаете і лучшей жнзні для себя.

Пролїткая кровь анархистов не останется без возмездия. Никакии самими возмуделенными возгласами к примірению предостражіт невозможно: это естественный закон борьбы. Всякое действие неминуемо вызывает противодействие.

Противодействие, озаренное сознанием,—это хорошо, но стїхийное противодействие—это плохо... для вас, властвующее, потому что от него нельзя спастись вам, от него нельзя бежать і скрыться, оно веде наступлїт, веде покарает. І самая ужасная кара—это оісна, к которой подходят предатели сами же. Свояцїй ветер принужден жать бурю.

В таком положении находится вы, „товарищи“ большевикі. Так сумейте же собрать плоды своего неразумного посева! Мы протестуєм всеми фибрами нашей мятежной душі протів московской кулацкой расправы с анархистами, протів гонимой і насильнїй над ними.

Но да будет:

Чем ноч темнее, тем звезды ярче! Да падет невинная кровь на головы обезумевших от власти сатрапов!

Слава поблїтєт за воплощение идеала анархі!

Вперед, жнзнь,—приблїжайтесь к нему, если чувствуете весь страх і ужас современного гнета капитала і власти!

Больше вдумчивости, сознательности, самостоятельности і мумства, но наименьше неразумия, если уж сегодня, в данный момент, невозможно ізбежать его совершенно.

Если вам, гр. Черепанов, прикажут свыше посадить в тюрьму, расстрелять ілі „вздернуть“ Кропоткина, Гордына, Карелина ілі вообще кого-либо із нас, рядовых анархистов, то вы этот приказ „приведете в исполнение“, не задумываясь над ним своею головою, но протестуя протів него всеми силами і средствами? Так, конечно, должен сделать всякій социалист—господин. В этом заключается главный рычаг, основной двигатель той свернутой махины, имя которой государство, правительство.

Если „социалистическое отечество“ и дальше будет „развиваться“ по тому же пути, всё в том же направлении, то в результате придется прийти к выводу, что между социалистическими „вождями“ и прежними командрами (в сніх мундірах і с аєльбантами) нет ніякої різниці.

По поводу воспоминания печатания „Бунтовщика“ т. т. рабочие типографии отравили делегацию к „властям претеркающим“. В ответ їм было вручено следующее постановление:

Российская советская федеративная республика, Томской губернии, исполнит. комитет совета крестьян, рабоч. і солдат. депутат. Секретариат. 18 апреля 1918 г. № 2190. Томскій губ. испол. ком. сов. раб., кр. і солдатских депутатов постановил: 1) Разрешить сов. нар. хоз. печатать в его типографии все печатающиеся там в настоящее время издания за исключением „Буктовщика“, при чем цензурному отделу отделя нар. обр. предоставляется право в каждом отдельном случае по вопросу о прекращении печатания того или иного издания входить с докладом в губ. исп. комитет. Т. председателя С. Непенин. Управляющий делами Орлов. Исп. об. секретаря С. Лисица.

Цензурный отдел отдела народного образования. Цензура, народное образование. Какое между ними родство? Что может быть общего между ними? Как можно сблизить северный полюс с южным? Как можно примирить диаметрально-противоположные интересы цензуры і народного образования?

Радуйтесь, поборники обскурантизма і мракобесия, апостолы кнута: в России опять существует цензура і... даже объявился с „народным образованием!“ Ах, какая „милая“ компания!

Все же мы решили продолжать издание „Бунтовщика“, несмотря на дикую репрессию, примененную к нему, і выпускаем его 4-ый номер.

Жизнь і фанты.

Патриоты бегут первыми.

„Журнал дю Пенья“ сообщает интересные подробности о паническом бегстве богатых парижан на юг Франции. Одним из первых бежал президент лиги патриотов Барро.

Предательская рада — немцам, но не русским!

По словам „Действительнейшего“, Киевская рада постановила откупить Германіи сахар, шпеницу, рож. овес і другие продукты. По сведениям „Нейе-фрейпрессе“ из станции Володочек і Броди прибыли первые товарные поезда из Украины: Десятки вагонов лаванды фруктов, луком. крупой, подсолнечным маслом і другими продуктами!

Смотрите, „любуйтесь“, российские бедняки і голодные, на то, как угнетатели нашего „милаяго“ отечества, поддерживают между народных палачей, стремясь умерить голодной смертью русских революционеров і крестьян і рабочих і способствуют подавлению революции в других странах.

Германские „социалисты“.

Цюрихская (Швейцария) „Фольксрехт“ замечает: „Представители германской социал-демократии продолжают поддерживать военную политику германского правительства, хотя і вынуждены признавать, что она является политической грабежа і насилием“.

Это одна из „прелестей“ парламентаризма, характеризующая парламентских социалистов вообще, не только в Германіи.

Гения во Франції.

В Париже за пропаганду в пользу мира приговорена к 3-м годам тюремного заключения учительница Елена Бриюф.

Так республика золотых мешков давит своих революционных детей.

Падшая.

Во мгле вечеряго тумана
Вредет по скользким мостовым
Дитя любовнаго обмана
І смотрит взором неживым.

І давит мрачные громады

Домов: холодный их гранит
Во кинет в сердце луч отрады,
Потухший взор не оживит.

Надежды юные разбиты,

Во власть разврата отдалась,

І слатостобинцы — паразиты

В ее объятьях свою страсть

За девой жаждо утоляют

І слезы хитроулы — зверей

Святые чувства поирают

І надругаются над ней.

Ужель несчастное созданье

В пороке непробудно спит,

Ея потухшее сознанье

Ея ничего не говорит?

О, нет! Безумное страданье

Терзает сердце ей тоской,

Терзает ум воспоминанья

О прошлом юности святой.

Чета, как снег вершины горной,

Мила, прекрасна і резва

Цедла она красой задорной,

Надежда і радости полна.

Как птичка речушка, порхала

Весел день до вечера с утра

І звонкой песней оглашала

Своей милой. Светлая пора!

Гуляла по дугам росистым,

Рвала дивные цветы.

Под пенью отблеск голосистых

Тала выне мечты.

І мир был светел і прекрасен,

І жизнь: как тихая река.

Текла, но рок ее ужасный

Стерг: нащадная рука

Судьбы — злодейки жизни разбита.

Ея толкнул в жизнь грядь,

Навекі младость потугила,

І дивный свет очей погас.

Пашла, гонимая нуждой.

Она не твердокостова!

Борься с постигшею бедою.—

Терпитой, тяжкою стезей.

Нужда жестокая терзала,

Умилба пошлаго жадна,

Несчастный миг... Она рыдала

В объятьях жарких подлости.

Служа мигнову бедою,

Не долго покила она

В чертоге подлости і скоро

Из дома была прогнана.

Во мгле вечеряго тумана

Вредет по мутным мостовым

Дитя любовнаго обмана

І смотрит взором неживым.

М. Андрюнин.

„Буревестник“.

„Революционное творчество“.

Содержание выходящего в ближайшем будущем № 1—2 го „Революционного творчества“ (Москва, 4-ый Тверской-Ямская, д. 20, кв. 10, Ф. Ночеллопу).

1) Меркюри Стетний „К свету“, „Свобода“ і другие стихотворения. 2) Горки „Анархизм і социализм“, поэма. 3) Марк Волыный, Единия платформа анархизма. 4) Лев Черный. Очерки по истории культуры. 5) А. А. Солонич. Всероссийская генеральная конференция интеллигентально-научного труда. 6) Ф. М. Науменов. Основы і формы организации автономной уральского казачьего войска. 7) Хроника. 8) Отдел кооперативно-топарбюро. 9) Библиография. 10) Старающий отблеск сияет анархистских федераций, клубов, газет, журналов, книгоиздательства, кинематографических, организационных бюро, коммун, мастерских і кооперативов. 11) Объявления.

То, что в Петрограде — дело настоящего дня, в Сібири вообще і в Томске в особенности — дело дня грядущаго. Поэтому мы ниже і помещаем статью т. І. Семенова по поводу экспроприации домов, являвшейся очередным вопросом революционной жизни в Петрограде в январе-феврале г. г.

Ред.

Держайте!

Письмо к рабочим Невской заставы по поводу экспроприации домов.

Друзья мои!

К тому, что я говорил на собраніи упомощенных союзом домовых комитетов і продовольственных организаций, позволюте добавить еще некоторые соображения относительно экспроприации домов.

Пусть отойдет от вас злой дух, внушающий, что для захвата і распределения жилищ нужна стройная организация, возглавляемая палкой із Смольнаго. Творить із Москвы.

Палка пригодна для того, чтобы бить. Она і была вас ровно столько некон, сколько существует человечество. Если уж вы непременно хотите бить битыми, то от маленькаго дѣлота Линаша інте к Корнишину. Он даст вам тарана побольше.

Но вы не палки інте.

Вамі дѣтискі мерзнут і голодуют.

Так вы с прокормления і согреваиия

их наичте.

А палка — законна, принудительные покупки і железную дисциплину вы спрячете внутрь себя. Пусть они обнаружатся в вашем творческом горении, в мощной воле к работе і соизиданию.

Вы подожги к ітотому.

Вы даждо инте, что о вас некому заботиться, слва боту! Вам некому мешают.

Чего же ждать?

Немедленно приступите к работе!

А то, пока вы будете разсуждать, какое наказание и какую палку вы воздвигнете над собой, вы и затеи паромарант и перемерзут с голоду и от болезни.

Медлить ни одной минуте нельзя.

Пусть ваша совесть и ваш здравый смысл будут вашим начальником.

Вы не грабители, которым нужна честная буржуа—трактирщик, чтобы продать и продать нагробенно. Крайние меры к безхозному нужде толкают вас к анархическим действиям. Не бойтесь слова анархист. Оно страшно для туеснядей и поборников кнута всех партий и классов.

Анархизм—высший закон совести человека в нем самом, высшее напряжение его творческих сил, высшая самоцивилизация героя.

Вы—паря мелева и стали—герои теперь. Вы—мобильный поганог капиталистического строя.

В наших пинах и в наших збувах я уже почувствовал царство третьего завета—открытие анархизма, духа бунта, который так долго не прояснялся в душе человека.

Пока он спал, творился сынокот и развожение в революции; теперь он просыпается, начинается подлинная революция.

Не угашайте же духа и себе!

Каждое ваше действие, каждый шаг будет неверочен, если он не от разбоя и удушения человека человеком идет, а от духа протеста против неправды, горящего в нас.

Так дерзайте же!

Несомненно меркантиль, государственн, задыхающийся в духоте, болельщик в остроте и гравой подвохов наших детей переносит в свободные, темные и просторные жилища, кто бы ни чинился их хозяином.

Занятия и посевы завтра вы будете обсуждать—как невесты на своих пачках нелицую, организацию коммуны некакого района. А сегодня оденете, обуйте, попользуете и поселите в тепло и тишину детей, пользуйтесь всеми средствами, где бы и у кого они не находились.

Пусть не страшат вас поборники кнута тем, что вы устанавливаете голодное равенство. **Дане такое равенство душе,** чем то, когда один умирает от голода и холода, а другие занимают многоэтажные здания, в волю питаются 19—вод ною.

За голодом равенством идет немедленная работа всех и каждого. Вы это повинны—пусть не страшат вас слова.

Угнетен и пугающийся красноречив вам не нужно. Я, любящий вас, не нужен вам. Пусть ваше собственное дело будет в ваших только руках.

Пусть кричат, что вы делаете плохо. Не обращайте внимания. Вы ведь для себя, а не для чужого дела творите, и пусть ваше творчество будет направлено на то, что вы хотите.

Когда явятся другие погробности, вы будете работать для них.

Помните лишь одно, друзья мои, что **разрушение старого—половина дела.** Другая половина в творчестве нового.

Вы уже приступили к творчеству нового, отборности кнута,—пусть же ваша сила, ваше устоение превзойдут то напряжение, которое создавалось под ударами кнута.

В итоге—только в этом залог вашего успеха.

И. Семенин.

Р. С. Я и мои друзья анархисты с великой надеждой выразим на ваше являто. Намею и говорить, что в минуту нужды мы будем среди вас.

К сведению родителей и учителей.

В Москве выходит еженедельный журнал **„Свободная школа жизни“.**

Журнал ставит себе целью: разрушить остаревшие школы-тюрьмы и создание новой свободной школы жизни на началах свободы, преданности, дружбы, физического труда и уметственной деятельности.

Свободные школы жизни имеют целью развитие индивидуальности, высокой нравственности, жизнедеятельности, здоровья творческого духа и силы воли в ребенке.

Свободная школа ставит себе задачей создание нового человека.

Вех, кого интересуют этот вопрос, просим откликнуться по адресу: Москва, 2 ой Тверской—Явский пер., дом Трудолюбия. Редакция и инструктор **„Свободной школы жизни“.**

Б. В. Викторич.

Труд и анархия.

(Письмо всем трудящимся).

Товарищи-трудящие!

Загорается пламя великой зарп!

Несчастные, истрадавшие, обманутые народы прерабывают, наконец, чтобы увидеть тот Ideal, к которому они должны всею душою стремиться. Все сильнее и сильнее пробуждается в народе сознание равной жизни.

1. Кажется, ведаетек тот час,—час пробуждения,—когда все народы (без различия рас и наций) протянут друг другу братскую руку: когда каждый гражданин (лишь вернее раб того или иного государства) отречется от своей родины, своего отечества-государства,—уничтожит его, как олоат какой бы то ни было власти, угнетающей трудовой народ, а признает своим отечеством и родной, всем мир, все земное пространство, население там же людьми—братьями, как и он.

Только тогда познает народ во всей полноте ту свободу, которую он так долго, но тщетно ищет.

1 только тогда будет свободной, настояющей **человеческий труд**—разумный.

Не будет притеснений, насилие, эксплуатация; уничтожится государство—гнет и капитал.

Уничтожится власть—не будет и рабства.

Будут в воляных городах—коммуны.

В деревнях-свободные общины. Станет каждый трудиться для всех и все для каждого—с сознанием того, что он и все трудятся для самих себя, что каждый и все, чем больше будет трудиться, тем лучше для них.

Возраится **свободный, светлый труд.**

То сделает а н а р х и я.

Труженник „фабрики Берг“ в Твери

Константин Безприютный.

Письмо в редакцию.

Прошу напечатать.

Я, гражданин Догин Антон Григорьевич, член бывшего учредительного собрания, наблюдав картину борьбы социалистов за власть и не находя большой разницы между властью царей-монархистов и царей-социалистов, пришел к убеждению, что лишь осу-

ществление на деле идеи анархизма (безвластной организации жизни) спасет российскую революцию, добывшую трудовыми народам.

Поэтому я никогда более не желаю быть членом учредительного собрания или другого какого-либо законодательного учреждения! (платформа, государственной думой), совершенно не нужная народу, как и правительством. 1918 года апреля 22 числа.

Логис Григорьев.

От редакции. Мы приветствуем открытое заявление товарища Логина Григорьевича, осознавшего свое партийное заблуждение. Все тех, для кого партия не является доброй короной, жизнь засагант, рано или поздно, последует примеру нашего поного товарища.

Заявление.

На собрании съезда учителей вчл. 23 (10) апреля н. п. синдикатом Коробельник, представителем Том. союза объединенных анархистов, называв себя анархистом—коммунистом и говоря, что ему неизвестно о существовании в Томске группы анархистов „Набат“.

Заявляю, что если бы синдикатом Коробельник был комиссаром полиции или жандармерии, то в таком случае мы бы стали бы делать ему доклад о том, что мы-де так-то, то и в-так-то оставили своего группу анархистов „Набат“. Понято, мы не просили у вас разрешения или дозволения нам организовать в группу. 1 прихотливо удаляете: на каком основании синдикатом Коробельник публикует свои пошленические претензии?

Приходите удаляете также и смею-стости Коробельника, называвшего себя в неадекватной его среде анархистом-коммунистом, когда в действительности он-только синдикатом, законспирированный, лавочник с синдикатом Васильем Салинским, околом ситничим протекция—а главным исполнителем комитета Томской жель. деп.

На основании обвинения Коробельника о существовании группы анархистов „Набат“ ситничом большинство учительского съезда не могло, выступая нашего товарища (Е. Ключева), не упомянуть, видя ли—иричина „нажнана“, запячленной чернилами бумаженкой от нас—мандата.

Водларим революции не гланется правда: она им глаза режет. И вы, дуркающиеся во лжи и обмане, хотя и закрываете перед нею форточки, но она все же проливает в жизнь—и угнетенным.

А это—самое главное.

Группа анархистов „Набат“.

1-ое мая.

Рабочие и крестьяне!

1 в 1-ое мая не делайте себе кумира и не празднуйте его, как стадо Идопоклонников—не будите праздноим. Лучше задумайтесь: сегодня, в день всеобщего рабочего отдыха, совершенно **самодовольно**, своим мозгом над все и замыслив, страдальчески попользуете и измучиваете самоустраиваете же, не пори и социалистским фарисеям, способн сваять его со своих плеч.

Не порте больше и социалистическим пышкам. Разорвите на себе **свои же** все пути и поноши. Становитесь, дети труда, могучими кузнецами своего счастья и сознательно идите к анархии.

1 вы станете свободными.

Е. Мирин.

Редактор **Е. Д. Яковлев.**

Издатели—издательство „Набат“.